

Годъ изданія седьмой.

І Ю Л Ь.

№ 17.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ СОЛОВЬЯ.
СОЛНЦЕ ЗАКАТИЛОСЬ (стих.).
„ЧУДО РОЗЪ“.
ЛЪТО (стих.)
ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ (повѣсть)
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

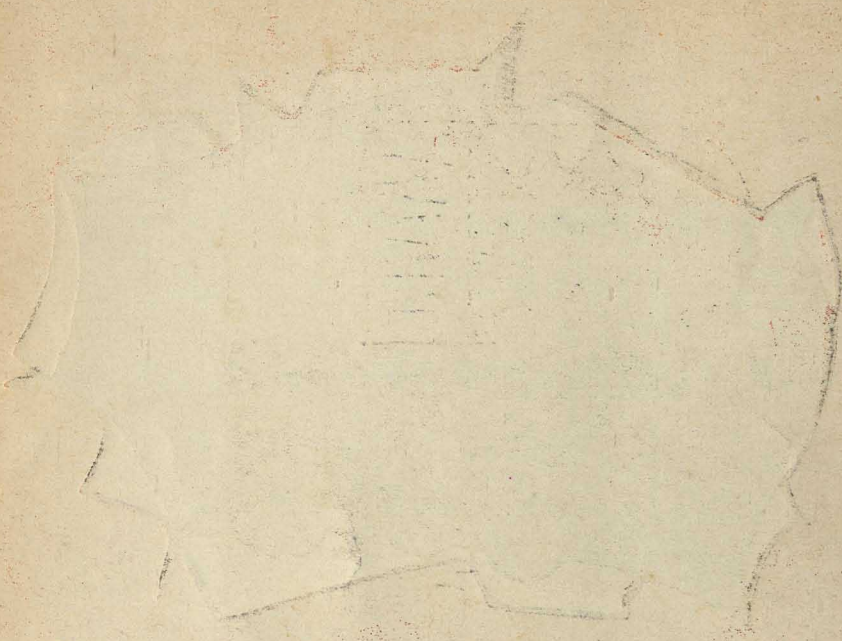
ПРИЛОЖЕНІЯ:

Шарабанъ—для склеиванія.

THE EASTERN DISTRICT

1101 P.

N. 12.

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

1870

№ 17. Июль. 1914.

Годъ изданія VII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Задумалась.

ЗАПИСКИ СОЛОВЬЯ.

Наше гнѣздо было устроено прямо на землѣ, у самага корня куста, на прошлогоднихъ дубовыхъ листьяхъ. Когда я впервые увидѣлъ свѣтъ, то кромѣ меня въ гнѣздѣ еще находились два мои брата и двѣ сестры. Я, значить, былъ самымъ младшимъ. Мать закрывала насъ своими крыльями, а отецъ сидѣлъ тутъ-же на вѣточкѣ и, приподнявъ кверху хвостъ и опустивъ низко крылья, звонко пѣлъ.

— Это онъ поетъ отъ радости, что вы вывелись, сказала мать. Больше онъ уже не произнесетъ ни одного звука до самой другой весны.

И, дѣйствительно, отецъ скоро умолкъ и вмѣстѣ съ матерью принялся за наше выкармливаніе. Какъ и всѣ молодые птенцы, мы много ѣли, но отецъ и мать соблюдали строгую постепенность въ нашей пищѣ: сперва они давали намъ только комаровъ и мушекъ, затѣмъ стали угощать насъ гладкотѣлыми гусеницами и червячками, а подъ конецъ, когда мы уже достаточно окрѣпли и подросли, они приносили намъ на лакомство ягодъ земляники и черники. Жуковъ и гусеницъ, покрытыхъ шерстью, мы не ѣдимъ. Жуковъ ѣдятъ скворцы, а лохматыхъ гусеницъ—однѣ только кукушки. Но до

чего мы соловьи большіе охотники такъ это до муравьевъ и ихъ личинокъ, которыя принято почему-то у людей называть муравьиными яйцами: мы ихъ можемъ ѣсть когда угодно и сколько угодно, лишь былъ-бы по близости отъ гнѣзда муравейникъ.

Родители относились къ намъ съ большой нѣжностью: съ утра и до вечера они добывали для насъ пищу, а когда наступала ночь, то каждый изъ нихъ по очереди укрывалъ насъ крыльями, чтобы намъ было потеплѣе. Такъ шло дѣло до половины іюня. Когда-жѣ стали созрѣвать травы, то мы уже почувствовали себя настолько большими, что стали вылетать изъ гнѣзда, но не на далекое разстояніе, и тотчасъ-же возвращались обратно.

— Ну, теперь пора вамъ учиться пѣть! сказалъ намъ отецъ.

Каждый изъ насъ, братьевъ, сѣлъ на вѣточку и сталъ щелкать. Но у насъ выходило очень плохо. Сестры и мать сидѣли въ сторонѣ и молчали. Отецъ покачивалъ головой и говорилъ;

— Эхъ, жаль, что я уже не могу пѣть, а то я васъ поучилъ-бы!

Наши робкія щелканья продолжались до іюля. Въ іюлѣ мы всѣ заболѣли и лишились своего опе-

ренія; но оно скоро замѣнилось новымъ, и мы выздоровѣли. Это у насъ, птицъ, называется линянiемъ. Тотчасъ-же послѣ линянiя мы разлетѣлись въ разныя стороны и больше уже не встрѣчались до самаго отлета.

Невдалекѣ отъ нашего мелколѣся находилось чье-то большое имѣнiе. Оно давно уже манило меня къ себѣ своею уютностью и большимъ, заглохшимъ паркомъ. Я полетѣлъ туда, быстро, точно брошенный сверху внизъ камень, спустился въ большой кустъ сирени и избралъ его своимъ жилищемъ. По парку бѣгали дѣти, проходили мимо взрослые, но я ихъ не боялся: соловьи довѣрчивыя птицы и, если ихъ не трогаютъ, то они подпускаютъ къ себѣ людей и даже собакъ на самое близкое разстоянiе.

Здѣсь я познакомился съ воробьемъ.

— Здравствуй, товарищъ! воскликнулъ онъ. — Добро пожаловать! Вѣдь мы съ тобой родственники!

— Какъ родственники? удивился я. — Вѣдь ты только чирикаешь, а я пою!

— Это ничего не значитъ: мы съ тобой одной общей семьи. И я, и ты, и даже канарейка—мы составляемъ одно общее семейство „воробьиныхъ“. Прочти любую естественную исторiю, и ты въ этомъ убѣдишься. У всѣхъ насъ отлично развиты зрѣнiе и слухъ. Что-же касается вкуса и обонянiя, то...

При этомъ воробей прищурился и насмѣшливо покачалъ головой.

— То они у насъ хуже, чѣмъ у многихъ другихъ птицъ! продолжалъ онъ. — Даже хуже, чѣмъ у кукушекъ. Кукушка съѣстъ что-нибудь вкусное и прокукуетъ отъ удовольствiя, а мы съ тобой будемъ ѣсть все, что намъ ни дай!

— Неправда, возразилъ я. — Мы очень любимъ муравьиныя яйца!

— Это потому, что они вамъ полезны, отвѣтилъ воробей, а не потому что они для васъ вкусны. Мы—птицы всеядныя.

Онъ разсказалъ мнѣ далѣе, что онъ всегда живетъ около человѣка и что изъ всѣхъ птицъ только онъ одинъ, да собака и крапива всегда слѣдуютъ за человѣкомъ.

— Ты обрати вниманiе на слѣдующее, сказалъ онъ. — Развѣ въ лѣсу растутъ сейчасъ крапива? Есть тамъ воробьи? А стоитъ только поселиться тамъ человѣку, какъ тотчасъ-же появляются около его жилища и крапива, и воробьи! Я уже не говорю о собакѣ, которая пойдетъ за нимъ хоть на край свѣта!

И, дѣйствительно, я скоро замѣтилъ, что мой воробей былъ правъ. Повсюду въ усадьбѣ чирикали воробьи, бродили собаки, росла на заднемъ дворѣ и въ канавкахъ крапива и даже самъ я былъ созданъ во всемъ точь въ точь, какъ воробей.

Въ августѣ я вдругъ почувство-

валь какое-то безпокойство. Меня вдругъ куда-то потянуло, захотѣлось летѣть куда-то далеко и я разстался съ своимъ сиреневымъ кустомъ и полетѣлъ къ родному гнѣзду. Тамъ уже были въ сборѣ отецъ, мать, братья и сестры. Всѣ они тоже были очень возбуждены.

— А мы тебя ждемъ,—сказалъ отецъ.—Пора уже летѣть. Мы и такъ опоздали!

— Куда же мы полетимъ? спросилъ я.

— Въ Африку. Здѣсь скоро настанутъ холода и нечего будетъ ѣсть. Развѣ ты не замѣчаешь, что вянетъ уже трава и стали желтѣть деревья?

Мы дождались вечера и отправились въ дальній путь. Мы летѣли только одной своей семьей и только по ночамъ, останавливаясь на дни гдѣ-нибудь въ кустарникѣ или камняхъ на отдыхъ. Летѣли мы быстро, на значительной высотѣ, такъ что все съ земли казалось намъ маленькимъ и ничтожнымъ.

— Мы держимъ сейчасъ нашъ путь на юго-западъ, сказалъ намъ отецъ, потому что летимъ съ сѣверо-востока. Если-бы мы родились на сѣверо-западѣ, то, вѣроятно, летѣли-бы на юго-востокъ, куда-нибудь въ Индію или въ Месопотамію. Таково ужъ правило птичьяго перелета. Дай только Богъ, чтобы все время вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу. Встрѣчный вѣтеръ намъ не вредитъ; а вотъ если вѣтеръ задуетъ

на насъ сзади, то мы можемъ погибнуть: онъ загонитъ насъ куда-нибудь въ другое мѣсто или-же переломаетъ намъ крылья. При попутномъ вѣтрѣ мы летѣть не можемъ.

— Но какъ-же ты находишь дорогу? спросилъ я у отца. — Какъ ты знаешь куда именно нужно летѣть?

Отецъ помолчалъ, а потомъ отвѣтилъ:

— Богъ показываетъ. Ни одна птица не знаетъ, куда именно ей летѣть, а каждая прилетаетъ именно туда, куда ей нужно. Это великая тайна даже для людей.

Я помню, какъ ночью шумѣло подъ нами море, помню, что мы перелетали черезъ покрытыя снѣгомъ горы и наконецъ однажды утромъ мы прилетѣли въ Египетъ. Здѣсь мы должны были оставаться до весны. Было тепло, росли высокія пальмы и мутный Нилъ катилъ свои воды мимо пирамидъ. Мы поселились въ кустарникѣ и замолкли. Никто изъ насъ не пѣлъ, не щебеталъ, а всѣ мы покорно ждали, когда окончится у насъ на родинѣ зима и можно будетъ возвратиться обратно.

Но вотъ настала наконецъ желанная весна. Мы видѣли, какъ птицы другихъ породъ съ радостными криками стали собираться въ стаи и отправлялись затѣмъ на сѣверъ, но мы почему-то ждали. Ждали и ласточки. Безпокойное

чувство овладѣло нами, намъ хотѣлось летѣть, но мы не могли.

— Чего мы ждемъ? спрашивали нѣкоторые изъ насъ. — Чего ждуть ласточки? Вѣдь всѣ другія птицы уже улетѣли!

— Успокойтесь, говорили старики. — Не пришло еще время. Раньше всѣхъ улетають тѣ птицы, которыя позже всѣхъ покидаютъ свою родину. Мы и ласточки улетаемъ изъ Россіи раньше всѣхъ и должны возвратиться туда позже всѣхъ. Это законъ природы.

— Но почему-же такой законъ?

— Не знаемъ. Такъ угодно было Богу.

И мы покорно дождались своего времени и, когда наступилъ апрѣль, радостно полетѣли въ Россію.

Было все уже въ зелени, когда мы возвратились на родину. Блестала изумрудомъ молодая озимь, на березкахъ были нѣжные, еще липкіе, листочки. Ахъ, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какой тихой радостью, я привѣтствовалъ нашу ласковую сѣверную природу и ея бѣлыя, задумчивыя ночи! Мой отецъ и мать спустились прямо въ тотъ самый кустъ, въ которомъ жили и въ прошломъ году. Еще во время перелета я нашелъ себѣ подругу и вмѣстѣ съ нею мы поселились въ томъ самомъ сиреновомъ кустѣ, въ барской усадьбѣ, въ которомъ я жилъ, когда былъ одинъ. Мы тотчасъ-же принялись за устройство нашего гнѣзда. Съ

какимъ удовольствіемъ, съ какимъ терпѣніемъ мы стали устраивать жилище для нашихъ будущихъ дѣтей! Мы стаскивали въ нашъ кустъ прутьи, соломинки, мелкіе сухіе листочки и конскіе волосы, которые находили на скотномъ дворѣ, вмѣстѣ съ воробьями мы прыгали около людей и они не обращали на насъ никакого вниманія. Когда гнѣздышко было готово, моя соловыха снесла шесть гладкихъ зеленоватыхъ яичекъ и усѣлась на нихъ, чтобы высидѣть изъ нихъ птенцовъ. Чтобы ей не было скучно, я усаживался на вѣточку около гнѣзда и начиналъ пѣть. Едва только наступалъ тихій вечеръ и распустившаяся сирень начинала еще сильнѣе издавать свой аромат, какъ я уже затягивалъ свою пѣсню и кончалъ ее только съ восходомъ солнца. Я былъ еще молодъ, и старался учиться у отца. Я слышалъ, какъ онъ пѣлъ у опушки лѣса, и во всемъ подражалъ ему. Но скоро я даже превзошелъ его. Я сталъ пѣть такъ сладко, что даже самъ замуривалъ отъ удовольствія глаза и видя, какъ все вокругъ меня затихало и какъ люди, затаивъ дыханіе, начинали меня молча слушать, то мечтательно глядя куда-то вдаль, а то тихо и блаженно улыбаясь,—я старался превзойти самого себя и щелкалъ и заливался на разные лады. Я зналъ цѣлые 24 колѣна и пѣніе

мое было звонко и разнообразно и изъ моего горла вылетали то звуки нѣжной флейты, то рокотъ стального ручья, то голосъ томной свирѣли.

— Ахъ, волкъ его заѣшь! говорилъ часто въ восторгѣ хозяинъ усадьбы.—Такъ-бы все сидѣлъ и слушалъ его безъ конца!

Это подзадоривало меня еще больше и я еще плотнѣе зажмуривалъ глаза и старался пѣть какъ можно разнообразнѣе и красивѣе.

И вдругъ случилось несчастье.

— Берегись! вдругъ крикнула мнѣ изъ гнѣзда моя супруга.—Улетай скорѣе!..

Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой кошку. Ея зрачки сверкали въ темнотѣ. Неслышно она подкралась ко мнѣ и уже протянула ко мнѣ свою лапу. Я встрепенулся, хотѣлъ-было летѣть, но она однимъ прыжкомъ бросилась на меня, вонзила въ меня свои когти и, взявъ въ зубы, побѣжала со мной къ дому. Все помутилось у меня въ глазахъ.

— Мурка, Мурка! слышались вдругъ дѣтскіе голоса.—Она что-то несетъ! Она поймала птичку! Смотрите!

Тотчасъ-же подбѣжалъ къ кошкѣ самъ хозяинъ усадьбы и отнял меня у Мурки.

— Это нашъ соловей!... грустно сказалъ онъ.—Бѣдный! Кто-же теперь намъ будетъ пѣть?

И, положивъ меня къ себѣ на

ладонь, онъ сталъ на меня ласково дышать. Дѣти обступили меня со всѣхъ сторонъ и смотрѣли на меня жалостными, ласковыми глазами. Кошка уже успѣла убѣжать.

— Бѣдненькій! говорили они.—Смотри, папа, у него на крылышкѣ кровь!

А затѣмъ я потерялъ сознание.

Когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ клѣткѣ. Меня томила жажда. Я попилъ изъ баночки и окончательно пришелъ въ себя. Во всемъ тѣлѣ моемъ стояла бѣда и особенно было мучительно двигать крыломъ. Но все оказалось въ порядкѣ: ни вывиховъ, ни переломовъ не было. Значитъ, я скоро поправлюсь.

И для меня потянулись мучительные дни. Въ тѣсной клѣткѣ, подвѣшанной къ самому потолку, затакнутой со всѣхъ сторонъ бумагой, я сидѣлъ въ одиночествѣ и, нахохлившись, скучалъ. На дворѣ стояло лѣто, цвѣли цвѣты, солнце радостно сіяло, распѣвали птицы,—но все это было теперь уже не для меня. Я тосковалъ по своей подружкѣ и по свободѣ и уже не пѣлъ и только прыгалъ въ клѣткѣ съ полу на жердочку и съ жердочки на полъ. Ахъ, что это были за тяжелые, мучительные дни! Сколько вздоховъ, сколько незримыхъ слезъ я пролилъ въ своей неволѣ и какъ было тѣсно въ клѣткѣ мнѣ, привыкшему весь міръ считать своей квартирой. Но

дни шли за днями и я наконецъ примирился и затихъ. Я уже пересталъ въ клѣткѣ биться, пересталъ бояться людей и когда бунфетный мужикъ Иванъ становился на табуретку и снималъ меня съ потолка, чтобы дать мнѣ корму и перемѣнить воды, то я равнодушно забивался въ уголокъ. И только однажды, въ концѣ августа, я вдругъ почувствовалъ безпокойство и безпомощно забился въ своей тюрмѣ.

— Это къ перелету, сказалъ хозяинъ усадьбы своимъ дѣтямъ.— Онъ чувствуетъ, что его родные собираются отъ насъ въ теплые края, и поэтому сталъ такъ безпокоенъ.

— Такъ выпусти его, папа, на волю! обратился къ нему его маленькій сынокъ Сережа.—Пусть онъ улетаеть вмѣстѣ съ ними!

Хозяинъ подумалъ.

— Нѣтъ, нельзя!.. отвѣтилъ онъ наконецъ.—Я боюсь, что онъ уже разучился летать и опять попадетъ кошкѣ въ зубы. Надо подождать до весны. Ему уже не долетѣть до теплыхъ краевъ.

Но онъ ошибался. Я уже выздоровѣлъ совсѣмъ и отдалъ-бы все, чтобы только получить желанную свободу. Безпокойство во мнѣ все еще продолжалось, меня потянуло куда-то далеко, въ невѣдомые края, и я безпомощно забился о стѣнки и о потолокъ своей клѣтки. Изъ головы у меня стала течь кровь.

И вотъ, однажды, когда въ домѣ всѣ затихли, въ комнату вошелъ маленькій Сережа. Онъ отодвинулъ столъ, поставилъ на него стулъ, на стулъ положилъ толстыхъ книгъ и, взобравшись на книги, снялъ мою клѣтку съ крючка и спустился вмѣстѣ со мною на полъ. Затѣмъ онъ растворилъ окно, поднесъ меня къ нему и отстегнулъ дверцу.

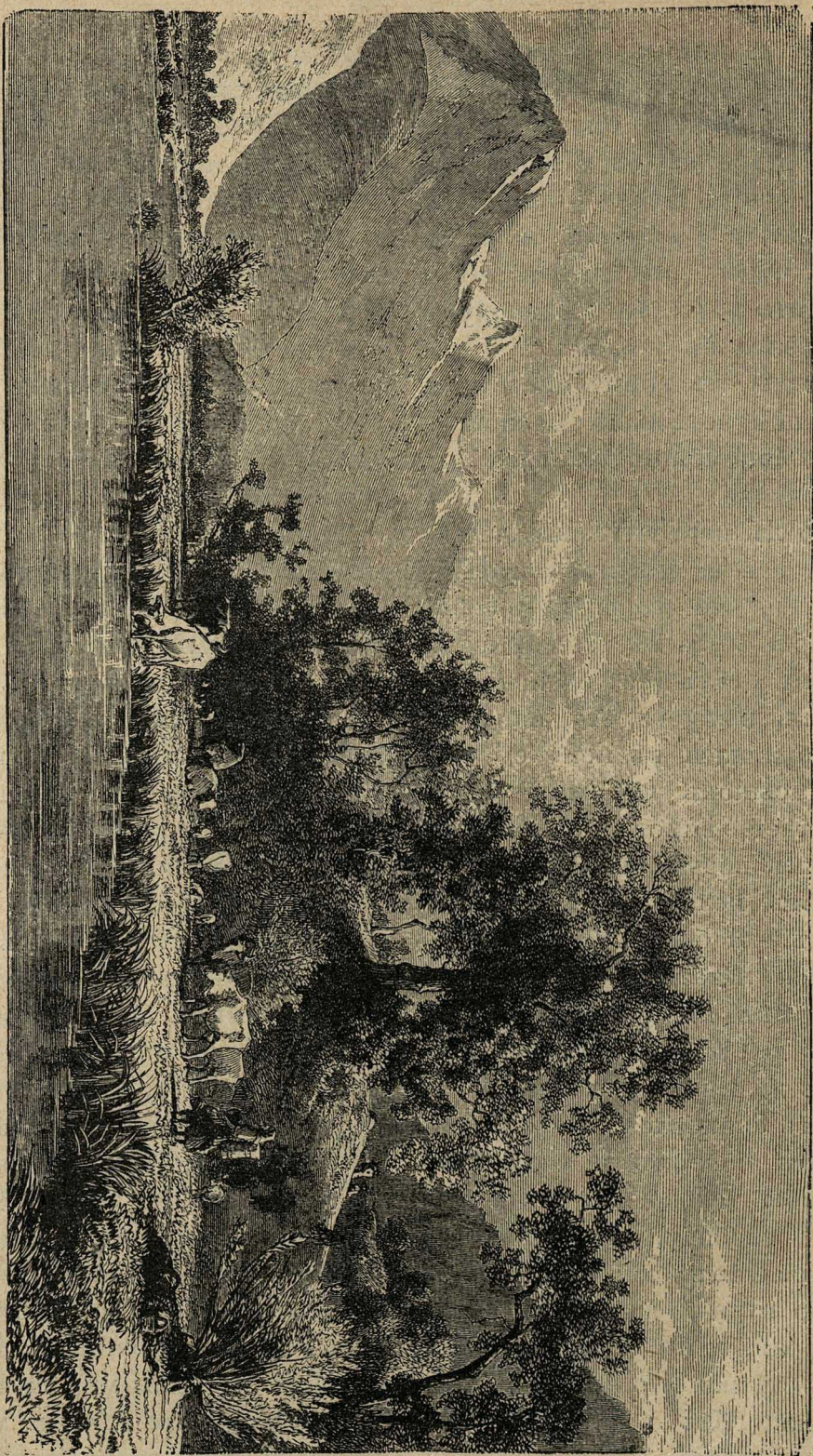
— Лети, милый! ласково сказалъ онъ мнѣ.—Тебѣ здѣсь скучно! Получай свободу!

Я выпорхнулъ изъ клѣтки и вылетѣлъ въ паркъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я вдохнулъ въ себя чистый, бодрящій воздухъ и съ какимъ восторгомъ посмотрѣлъ на деревья и на прелестное, заходившее солнце! Но крылья мои, отвыкшія въ неволѣ летать, были еще слабы, и я тотчасъ-же утомился и сѣлъ на ближайшую вѣтку отдохнуть. Я видѣлъ съ нея, какъ Сережа отошелъ отъ окна и какъ поставилъ на мѣсто столъ, стулъ и книги. Затѣмъ онъ подошелъ снова къ окну и, посмотрѣвъ въ мою сторону, ласково и въ тоже время грустно сказалъ:—

— Прощай, Соловушка! Будь счастливъ!

И онъ скрылся въ глубинѣ дома.

Я оправился, набрался силъ и полетѣлъ къ своему гнѣзду. Но тамъ уже не было никого. По скорлупкамъ и лапкамъ насѣкомыхъ я догадался, что дѣти у меня были и что жена выкармливала ихъ

Ліхій вечір.

Ущелье на одномъ изъ острововъ близъ Неаполя.

безъ меня одна. Бѣдняжка! Какъ, должно быть, ей было трудно управляться одной безъ меня!

Эту ночь я переночевалъ въ своемъ гнѣздѣ. Вечеромъ я слышалъ, какъ хозяинъ кричалъ на весь домъ:—

— Чтобы не было кошекъ въ нашемъ домѣ никогда! Перевелись въ усадьбѣ всѣ соловьи! Раздать кошекъ сосѣдямъ! Даже послѣдняго соловья въ клѣткѣ сожрали! Достали даже подъ потолкомъ!

Вслѣдъ затѣмъ я полетѣлъ къ гнѣзду своего отца.

— А, здравствуй! вдругъ раздался около меня радостный голосъ. — Тебя-ли я вижу?—

Я обернулся и увидѣлъ свою супругу. Она сидѣла на вѣткѣ одной лапкой, а другой утирала себѣ слезы; я тоже самъ заплакалъ.

— Да какъ-же ты похудѣлъ! сказала она.—Какъ истрепались на тебѣ перья!

Но я рыдалъ отъ радости въ три ручья.

— А это наши дѣти! сказала она наконецъ и указала мнѣ на четверыхъ другихъ соловьевъ, сидѣвшихъ чинно на томъ-же кустѣ. Это были прекрасные, обѣщавшіе быть голосистыми, соловьи.

Затѣмъ къ намъ прилетѣли мои отецъ и мать со своими новыми дѣтьми и мои братья со своими семьями и мы стали готовиться къ отлету. Я ожидалъ, что встрѣ-

чу ихъ всѣхъ, такъ-какъ родственники соловьи живутъ всегда неподалеку другъ отъ друга. Мы долго сговаривались, долго хлопотали, взмахивали крылышками и наконецъ полетѣли, — теперь уже цѣлой стаей. Вожакомъ былъ нашъ отецъ. И вотъ подъ нами опять потянулись лѣса, потомъ степи, потомъ Черное и Средиземное моря и затѣмъ мы прибыли въ Египетъ. Тамъ мы прожили всѣ вмѣстѣ до весны и въ апрѣлѣ опять полетѣли въ Россію.

— Куда мы? обратилась ко мнѣ моя супруга, когда подъ нами снова потянулись родныя мѣста.— Не поискать-ли для гнѣздышка другого мѣста?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я,— соловей гнѣздится въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ-же самомъ кустѣ и въ томъ-же самомъ гнѣздѣ, гдѣ вывелъ дѣтей въ первый разъ. Полетимъ поэтому въ нашъ сиреневый кустъ!

— А кошки?

— Ничего, Богъ милостивъ!.. Кажется, ихъ тамъ теперь уже нѣтъ!

И мы снова поселились въ нашемъ родномъ гнѣздѣ. Кошекъ дѣйствительно уже не было и теперь, когда наступалъ вечеръ и готова была спуститься тихая и задумчивая, бѣлая сѣверная ночь, я взбирался на вѣточку и начиналъ пѣть. И какъ и въ прошломъ году, изъ дому выходилъ

хозяинъ усадьбы съ семьей и начиналъ меня слушать.

— Ахъ, волкъ его заѣшь, какъ онъ хорошо поетъ! вскрикивалъ онъ въ восхищеніи.

Тутъ-же на ступенькѣ, сидѣлъ его маленькій сыночекъ Сережа и, подперши кулачкомъ подбородокъ, тоже слушалъ и мечтательно глядѣлъ передъ собой.

О чемъ онъ думалъ? Вспоминать-ли онъ о томъ, что далъ мнѣ свободу? Зналъ-ли онъ, что я тотъ самый соловей, котораго онъ выпустилъ на волю? Я цѣнилъ его доброту, я былъ благодаренъ ему безъ конца и старался пѣть только для него одного.

А кругомъ трещали кузнечики и заливались на прудѣ лягушки.

С. Вершининъ.

СОЛНЦЕ ЗАКАТИЛОСЬ...

Солнце закатилось. Вечеръ молчаливый
Ласково-печально на землю спустился:
И туманъ надъ лугомъ, надъ рѣкой и нивой
Легкой паутинкой мягко опустился.

Вотъ и ночь безшумно крадется тѣнями,
И туманъ, сгущаясь, надъ полями бродить...
Чуть трепещетъ небо дальними звѣздами,
Изъ-за лѣса мѣсяцъ заревомъ восходитъ...

Дремлетъ все земное, въ нѣгѣ утопая...
Тихо. Можно слышать вѣтерка дыханье.
Всталъ высоко мѣсяцъ, царственно сіяя..
Звѣзды ярко блещутъ въ безднѣ мірозданья..

Филаретъ Черновъ.

СКАЗКИ О ЦВѢТАХЪ.

Чудо розь.

Маленькая Тезя торжествовала. Несмотря на свои семь лѣтъ, она шла по шумной улицѣ одна и такъ далеко, какъ не ходила еще ни разу въ жизни. Ее послали къ булочнику, который пекъ какія-то особенно вкусныя булочки, — и вотъ теперь она исполнила это порученіе и горделиво шла домой. Ея щечки раскраснѣлись, глазки сверкали изъ подъ капора, отдѣланнаго лентами, и она шла и удивлялась сама себѣ, что не боялась ровно никого и ничего: ни лохматой собаки, которая добродушно грѣлась у чьей-то калитки, ни уличныхъ мальчишекъ, которые даже вовсе и не имѣли намѣренія ее обидѣть, ни усатаго городского, ни прошедшаго мимо трубочиста, не считая уже тѣхъ злыхъ, громадныхъ волковъ, о которыхъ она читала въ сказкахъ, и которые, къ счастью, вовсе не бѣгали по улицамъ. За неимѣніемъ корзины, она несла булочки въ передникѣ и принюхивалась къ ихъ запаху.

Булочникъ только что вынулъ ихъ изъ печки и онѣ были еще тепленькія и душистыя и такія красивыя на видъ: поджаристыя, румяныя—такъ-бы ихъ по дорогѣ и съѣла! Сама, похожая на хорошенькую булочку, Тезя важно выступала по тротуару и старалась представить себѣ, какъ ея братья и сестры накинута сейчасъ на эти булочки и, вырывая ихъ одинъ у другого, будутъ ихъ ѣсть и запивать молокомъ.

И вдругъ до нея долетѣли звуки органа. Она остановилась и прислушалась. Они доносились изъ костела. Сквозь стеклянныя двери виднѣлось много свѣчей и все въ храмѣ блистало золотомъ и серебромъ. Затѣмъ послышалось пѣніе. Тезя была изъ набожной католической семьи и ее вдругъ ужасно потянуло въ церковь. Что, если она зайдетъ сейчасъ на минутку въ костель? Теперь она большая, почему-бы ей не пройти одной и въ церковь? И, позабывъ о сво-

ихъ братьяхъ и сестрахъ, и о томъ, что дома давно уже скипѣлъ кофейникъ и съ нетерпѣніемъ ожидали ея возвращенія, она вошла въ костелъ и стала протискиваться сквозь толпу. Но народу было такъ много, что она не увидала ничего, кромѣ стѣнъ, а ей хотѣлось видѣть и алтарь, и священника и тѣ картины изъ священнаго писанія, которыя были нарисованы на стѣнахъ.

— Вотъ что, рѣшила она. — Пойду-ка я сейчасъ на хоры! Мама говорила, что она тоже всегда стоитъ за обѣдней на хорахъ, когда бываетъ много народу.

И, подойдя къ старушкѣ, смотрѣвшей подъ куполь и беззвучно шевелившей губами, она тронула ее за рукавъ.

— А гдѣ здѣсь хоры? спросила она.

Старушка указала ей и она, все еще держа булочки въ подолѣ фартука, поднялась по узкой, витой лѣстницѣ на хоры, стала у рѣшетки и заглянула внизъ. Отсюда ей было видно все, какъ на ладони. Вотъ священникъ, вотъ алтарь съ большими толстыми восковыми свѣчами, а вотъ внизу сидятъ и стоятъ молящіеся съ книжками въ рукахъ. У книжекъ—золотые обрѣзы. Публики въ срединѣ церкви гораздо меньше, чѣмъ у входа, такъ что видны даже пустыя пространства пола, красиво выложеннаго изъ цвѣтныхъ плитокъ. А

вотъ, у стѣны, стоитъ какой-то мальчикъ, бѣдно одѣтый, и о чемъ-то горячо молится. Онъ находится какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ стоитъ Тезя. Если-бы она захотѣла бросить съ хоръ внизъ пуговицу, которая лежала у нея въ карманѣ, то эта пуговица упала-бы мальчику какъ разъ на голову.

— „Что это за мальчикъ?“—подумала Тезя.—„О чемъ онъ такъ горячо молится?“

Это Стась, сирота. Онъ стоитъ передъ нарисованнымъ на стѣнѣ образомъ святой Елисаветы Венгерской, на которомъ изображено „Чудо розъ“, и смотритъ на него умиленными, просящими глазами. У святой Елисаветы большіе русые волосы, локонами падающіе на плечи, и голубые глаза, свѣтящіеся добротой. Художникъ придалъ ей лицу такое выраженіе, точно она чѣмъ-то очень удивлена. Она приподняла своей нѣжной, прекрасной рукой край своей алой бархатной мантии и изъ подъ нея видны розы, которыя она держитъ другой рукой въ бѣлоснѣжномъ передникѣ. Розы нарисованы такъ живо, что Тезя такъ и кажется, что отъ нихъ вотъ-вотъ пойдетъ сейчасъ ароматъ. И какія это розы! Красныя, бѣлыя, розовыя, пунцовыя!..

„Вотъ бы мнѣ хоть одну такую розочку!..“ думаетъ Тезя.

Когда у Стася была еще жива

мать, то она часто сажала его къ себѣ на колѣни и рассказывала ему сказки или житія святыхъ. Онъ любилъ ее слушать. Затаивъ дыханіе и боясь проронить хоть одно ея слово, онъ прижимался къ ней и, не мигая глазами, смотрѣлъ въ пространство и слушалъ. Изъ всѣхъ святыхъ, о которыхъ только рассказывала Стасю мать, онъ больше всего любилъ Елисавету Венгерскую. Самое житіе этой святой казалось ему наиболѣе трогательнымъ и святая Елисавета представлялась ему такою доброй, какъ и его мама; и когда потомъ умерла его мать, то онъ любилъ вспоминать объ этой святой и молился ей:

— Святая Елисавета, когда ты увидишь на небѣ мою маму, то утѣшь ее тамъ и скажи ей, что я безъ нея остался одинъ и очень скучаю...

Житіе этой святой онъ зналъ почти наизусть. Онъ часто его мысленно повторялъ себѣ, когда вспоминалъ о своей матери, и каждая его картина представлялась ему такъ, точно происходила передъ нимъ сейчасъ. Святая Елисавета Венгерская была замужемъ за владѣтельнымъ королемъ. Онъ былъ суровъ, все время проводилъ въ войнахъ и никогда не интересовался судьбою своихъ обѣднѣвшихъ подданныхъ. Онъ не любилъ, что его жена всегда помогала больнымъ и бѣднякамъ, и однажды во-

все запретилъ ей заниматься благотворительностью. Тогда она стала помогать имъ тайкомъ. Она клала хлѣбъ къ себѣ въ передникъ, покрывала его сверху своею алою, бархатной мантіей, чтобы не замѣтилъ ея мужъ, и тайно отъ всѣхъ уходила изъ дворца въ самые бѣдные кварталы города, чтобы раздать этотъ хлѣбъ неимущимъ. Мужъ-король сталъ слѣдить за нею и, узнавши, что она все-таки продолжаетъ раздавать милостыню, рѣшилъ поймать ее на мѣстѣ преступленія и наказать за ослушаніе.

— Неприлично королевѣ, сказали онъ.—ходить одной, въ грязные кварталы, къ какимъ-то оборванцамъ и мужикамъ. Я прощаю тебя въ послѣдній разъ.

Какъ-то въ полдень королева Елисавета наполнила передникъ хлѣбомъ, оглядѣлась по сторонамъ и, убѣдившись, что за ней никто не наблюдаетъ, отправилась помогать бѣднымъ. Она спѣшила. Если ее кто-нибудь увидитъ или вдругъ узнаетъ ее кто-нибудь изъ придворныхъ, то ей уже не будетъ пощады отъ короля. По праву мужа и владѣтеля страны, онъ заключитъ ее въ тюрьму и тогда она лишится своего послѣдняго удовольствія — помогать голоднымъ. И вдругъ, точно изъ подъ земли, передъ нею явился мужъ.

— Ты куда, королева, идешь? строго спросилъ онъ ее.

Она испугалась, сердце ея замерло и она робко опустила глаза.

— Ты опять идешь къ своимъ нищимъ? продолжалъ онъ.

— Нѣтъ... робко отвѣтила она и почувствовала, какъ отъ страха у нея сжалось горло.

— А ну-ка покажи, что у тебя въ передникѣ?

Робкая, вся сторая отъ стыда, и ожидая гнѣва своего мужа, она задрожала и щеки ея вспыхнули отъ страха. Но она рѣшила не выдавать своей тайны.

— Такъ, ничего... отвѣтила она.— Здѣсь у меня цвѣты... Розы... Я ихъ сейчасъ нарвала въ саду...

— Розы? притворно удивился онъ и поднялъ ее на смѣхъ.— А, ну-ка, посмотримъ, какія это розы? Показывай мнѣ сейчасъ-же!

И онъ топнулъ на нее ногою.

Она не осмѣлилась послушаться мужа. Трепетавшей рукой она приподняла свою бархатную мантию и другою рукою раскрыла передникъ. И вдругъ къ ея удивленію въ немъ дѣйствительно оказались розы... Не куски чернаго хлѣба, которые она несла, а самыя настоящія, только что сорванныя розы. Бѣлыя, розовыя, красныя и пунцовыя.

Король смутился. Ему стало неловко своей суровости.

— А я думалъ, что ты несешь въ передникѣ хлѣбъ! сказалъ онъ.— Ну, иди, иди... Я только такъ, пошутилъ...

И онъ отправился своей доро-

гой. Она продолжала свой путь и когда пришла къ голоднымъ, то они бросились къ ней и протянули къ ней руки за подаваніемъ.

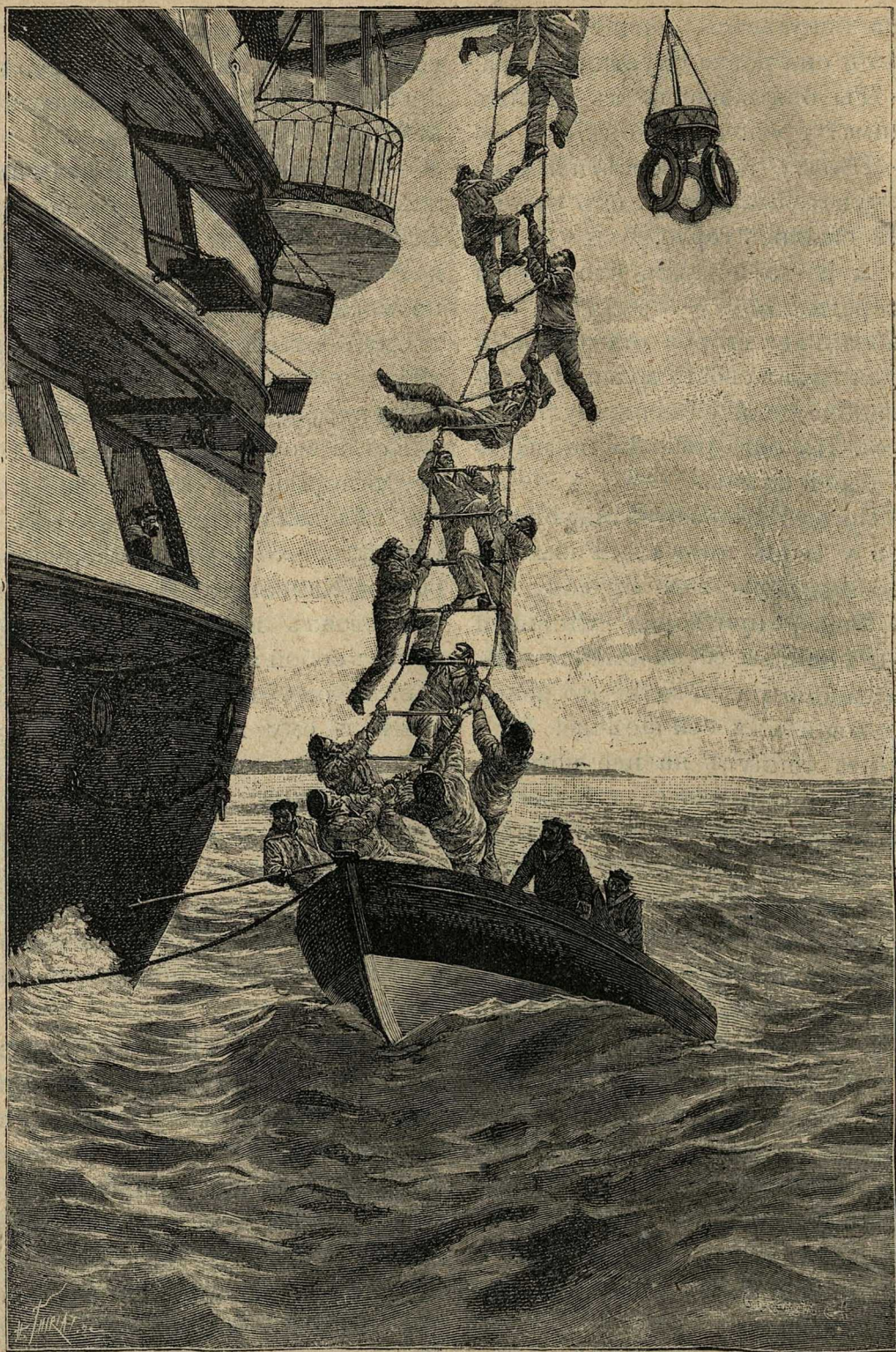
— Сегодня я не принесла вамъ хлѣба, сказала она.— Вотъ розы! Возьмите ихъ и, если хотите, отдайте ихъ вашимъ дѣтямъ! Это не по моей винѣ...

Она опять приподняла свою мантию и вмѣсто розъ, въ ея передникѣ вдругъ снова оказался хлѣбъ.

Когда мать рассказывала Стасѣ эту исторію, то она всякій разъ его цѣловала, и изъ этого онъ заключалъ, что и ей нравилась королева Елисавета. И теперь, когда онъ стоялъ въ церкви и видѣлъ передъ собой изображеніе этой святой, то онъ вспоминалъ о своей мамѣ и ему показалось, что она была похожа на нее лицомъ. Такіе-же глаза, такой-же носъ и подбородокъ и такіе-же свѣтлые, длинные волосы... Точно художникъ нарочно нарисовалъ святую королеву именно такъ, чтобы она походила на покойную маму Стася!

Стасъ ходилъ вчера въ поле и въ лѣсъ и собиралъ тамъ цвѣты. Связавъ ихъ въ букетики, онъ цѣлый день потомъ ходилъ по городу и продавалъ ихъ прохожимъ. Но они не купили у него ни одного, цвѣты завяли и такъ онъ и не ѣлъ ничего со вчерашняго дня.

— Иди прочь! говорили ему.— Дѣти должны не попрошайничать,

Возвращеніе матросовъ на корабль.

Сироты.

а заниматься дѣломъ! Надо ходить въ школу!

Давно уже не ѣвшій, измученный голодомъ, Стась пришелъ сегодня въ этотъ костель и сталъ молиться. Былъ холодный день, онъ озябъ и пріятная теплота церкви тотчасъ-же разлилась по его членамъ. Онъ подошелъ къ изображенію святой королевы Елисаветы Венгерской и сталъ молиться.

— Святая Елисавета, говорилъ онъ, — помоги мнѣ! Мнѣ такъ сегодня хочется кушать!.. Брось мнѣ хоть одинъ только маленькій кусочекъ хлѣбца, чтобы я не умеръ съ голоду! Умоляю тебя.. Я одинъ, совершенно одинъ на цѣломъ свѣтѣ и, кромѣ тебя одной, мнѣ некому помочь...

Онъ сталъ на колѣни и отпустилъ голову.

— Если я не поѣмъ сегодня, продолжалъ онъ, — то завтра уже буду не въ силахъ идти въ лѣсъ и собирать цвѣты. Пожалѣй меня, святая Елисавета, или попроси мою маму на небѣ, чтобы она сжалилась надо мной и взяла меня къ себѣ. Пусть хоть одна твоя роза обратится для меня въ кусочекъ хлѣба! Мнѣ такъ хочется ѣсть!..

И вдругъ откуда-то сверху, съ хоръ, на него посыпались вкусныя, еще тепленькія, булочки. Думая,

что это дѣйствительно послала ихъ ему святая королева, Стась набросился на нихъ, схватилъ ихъ и сталъ жадно ихъ ѣсть. Утоливъ свой голодь, онъ снова сталъ передъ образомъ на колѣни и, полный благодарности и благоговѣнія, сказалъ:—

— Я зналъ, святая Елисавета, что ты совершишь это чудо розъ и для меня! Я былъ увѣренъ, что свои розы ты опять превратишь для меня въ хлѣбъ!

И глубоко убѣжденный въ томъ, что это дѣйствительно были розы, превратившіяся въ хлѣбъ, онъ положилъ земной поклонъ и вышелъ изъ церкви. А маленькая Тезя, которая стояла на хорахъ и слышала отъ начала до конца молитву Стася, не могла удержаться и заплакала. Но ей было жаль не булочекъ, которыя она высыпала изъ своего передника внизъ, а этого бездомнаго и одинокаго мальчика Стася, которому некуда было дѣваться и нечего было ѣсть.

— Ну, теперь онъ будетъ сытъ!.. подумала она съ гордостью.— По крайней мѣрѣ, сегодня онъ поѣлъ.

И, довольная собой, она отерла фартучкомъ слезы, сошла съ хоръ и отправилась изъ церкви къ себѣ домой.

Съ чешскаго М. П.

Л Ъ Т О.

Цвѣтетъ шиповникъ и жуки
Въ вѣтвяхъ гудятъ; летаютъ мушки,
И во все горло у рѣки
Ужъ взапуски кричатъ лягушки.

И легкій, южный вѣтерокъ
Чуть-чуть листву въ саду колы-
шетъ,
Но все-же жарко, такъ и пышетъ
И такъ и бросился-бъ въ потокъ!

А съ поднебесной вышины
Чуть слышный, сладкій свистъ
несется,
То пѣсня жаворонка льется
И трели нѣжныя слышны...

И голубыя небеса
Какъ будто отъ жары застыли,
Но вдругъ порывъ — и туча пыли
Ужъ поднялась отъ колеса...

Кузнечикъ.

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Алеша выбѣжалъ къ дѣтямъ, они подхватили его и повели съ собою въ паркъ. Было еще утро, кое-гдѣ свѣтилась еще на цвѣтахъ и листьяхъ роса и день обѣщаль быть прочнымъ и теплымъ. Позабывъ обо всемъ на свѣтѣ и только радуясь безграничной свободѣ и такому парку, какого онъ не видѣлъ никогда, Алеша бѣгалъ съ дѣтьми по его аллеямъ, игралъ съ ними въ пятнашки и въ городки и, весь потный и раскраснѣвшійся, старался обыграть своихъ товарищей. Онъ очень понравился дѣтямъ, понравились ему и они. Между ними какъ-то сразу уста-

новилося что-то близкое, братское, точно онъ и они родились вмѣстѣ или прожили вмѣстѣ всю жизнь.

И вдругъ Алеша остановился и, взявшись за животъ, сказалъ:

— Ухъ, какъ мнѣ хочется ѣсть!

Со вчерашняго дня онъ не ѣлъ еще ничего и только сейчасъ объ этомъ вспомнилъ.

— Такъ пойдемъ къ намъ! обрадовалась Катя. — Мы дадимъ тебѣ поѣсть!

Они взялись за руки и отправились домой.

Въ докторскомъ флигелѣ не было никого. Елена Петровна повезла Ольгу Ивановну въ отведенный

для нея хуторъ и только невымытыя еще послѣ утренняго кофе чашки указывали на то, что онѣ здѣсь сидѣли. Около крыльца виднѣлись на песокѣ глубокія колеи: это няня — Наташа приѣзжала со станціи на телегѣ съ багажомъ и опять уѣхала. Изъ кухни доносился запахъ лука: это кухарка Пелагея готовила обѣдъ. Дѣти вошли въ столовую и шумно усѣлись за столъ.

— Точно мышъ... сказалъ Костя и указалъ на кусочекъ сахара, который сплошь былъ покрытъ мухами.

У Алеши засверкали отъ радости глаза. Онѣ вскочилъ, сложилъ ладонь лодочкой и быстро накрылъ ею мухъ. Теперь всѣ онѣ были въ его кулакѣ. Съ счастливымъ отъ удачи видомъ онѣ поднесъ ихъ себѣ къ уху и сталъ слушать.

— Жужжать! радостно воскликнулъ онѣ и глаза его снова засверкали.— Честное слово, жужжать!

— А ну, дай послушать! обратился къ нему Костя.

Алеша поднесъ кулакъ къ его уху.

Костя послушалъ, и кулакъ Алеши сталъ переходить отъ уха къ уху. У всѣхъ на лицахъ было такое выраженіе, точно они слушали нѣчто необыкновенное, какою-нибудь прекрасную музыку, лучше которой не могло быть ничего.

— Выпусти ихъ! вдругъ сказала

Кира.— Онѣ за тебя Богу помолитя!

Алежа разжалъ ладонь и мухи получили свободу.

Катя сбѣгала на погребъ и принесла оттуда кринку молока. Потомъ она достала изъ шкафа краюху чернаго хлѣба и нарѣзала его на ломти. Каждый взялъ ломоть и дѣти принялись за ѣду. Алешѣ показалось, что такъ вкусно онѣ не ѣлъ еще никогда.

„Вотъ-бы сюда чистильщика — Ванюшку!..“ подумалъ онѣ.— „Какъ-бы ему было тутъ весело!“

И когда дѣти кончили, когда былъ съѣденъ весь хлѣбъ и выпито все молоко, вдругъ на порогѣ показалась нарядная горничная.

— Ваше сіятельство, почтительно обратилась она къ Алешѣ,— пожалуйста кушать... Завтракъ давно уже готовъ.

Алеша вспомнилъ о дѣдушкѣ, встрепенулся, съ жалостью посмотрѣлъ на свою компанію и пошелъ за дѣвушкой. Она ввела его въ столовую. На громадномъ столѣ былъ сервированъ завтракъ только для него одного. Сверкала хрустальная посуда, блестяли фамилные вилки и ножи. Были поставлены варенныя яйца, печенья, масло, что-то мясное, и свѣженькая, обложенная льдомъ редиска. Тутъ-жс, у двери, стоялъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ лакей Григорій, который приготовлялся слу-

жить Алешѣ у стола. Дѣвушка удалилась.

Алеша нехотя сѣлъ за приборъ и нехотя, со скучнымъ видомъ, положилъ въ ротъ кусочекъ сдобной душистой булки и сталъ переваливать ее во рту языкомъ.

— Но вѣдь я же не хочу ѣсть! вдругъ воскликнулъ онъ и выскочилъ изъ-за стола.—Я уже ѣлъ! Я сытъ!

— А гдѣ вы изволили кушать? спросилъ его Григорій.

— Я ѣлъ у дѣтей черный хлѣбъ и молеко! Я уже сытъ!

Григорій засмѣялся.

— Плутишка, ваше сіятельство!.. ласково сказалъ онъ и сталъ отвязывать отъ шеи Алешы салфетку.

Алешу стѣснялъ титулъ „ваше сіятельство“. Всегда искренній, простой, нѣжный въ обращеніи, онъ вдругъ бросился къ Григорію на шею и обхватилъ его талію ногами.

— Не зовите меня такъ! сказалъ онъ.—Мнѣ не нравится!.. Зовите меня просто Алешей!

И онъ долго еще висѣлъ на старомъ графскомъ слугѣ. Тотъ умирлился, взялъ его потомъ на руки и поцѣловалъ его въ грудь. Алешѣ показалось, что у него заблестали на глазахъ слезы.

— Ну, идите, гуляйте въ саду! тихонько сказалъ Григорій. — Графъ не выйдетъ къ обѣду. Бѣ-

гайте себѣ на здоровье, пока есть время!

И онъ спустилъ его на полъ.

Алеша взвизнулъ, выскочилъ въ садъ и, что было духу, побѣжалъ къ докторскому флигелю. Въ это время возвратилась Елена Петровна и тотчасъ-же принялась въ кухнѣ застряпню. Кухарка была неопытна и не успѣвала.

— Уфъ, опоздала!.. сказала Елена Петровна и стала мѣсить тѣсто.—Цѣлое утро пропало! Придется обѣдать на часъ позднѣе.

Дѣти побѣжали къ рѣкѣ и издали слышались ихъ счастливые голоса. Елена Петровна мѣсила тѣсто и все время думала о приѣзжихъ. Ее, какъ женщину, возмущало то, что мать разлучилась съ ребенкомъ, и ей даже хотѣлось плакать съ досады.

— Я не понимаю, шептала она,— для чего это нужно? Ольга Ивановна—такая прекрасная женщина, такъ любитъ своего Алешу— и вдругъ старому графу понадобилось ихъ разлучить!

Возвратился изъ большого дома докторъ. Онъ не спалъ всю ночь и теперь долженъ былъ отправляться на пріемъ больныхъ въ лечебницу и—кто знаетъ? быть можетъ, не спать съ графомъ и и слѣдующую ночь. Это бывало. Онъ снялъ пиджакъ и сталъ шумно умываться.

— Отвезла барыню? спросилъ онъ у жены.

— Да, отвезла... отвѣтила она. Устроила ихъ... Ничего себѣ, уютно! Хорошенькій хуторокъ; маленькій, чистенькій домикъ и прелестный малороссійскій садикъ. Ей понравилось.

— Что-же она будетъ тамъ жить одна?

— Нѣтъ, съ няней Наташей... Няня служить у нихъ уже давно. Докторъ сталъ вытирать шею полотенцемъ.

— Все-таки ей скучно будетъ тамъ безъ Алеши, сказалъ онъ.

— Но вѣдь они каждый день будутъ видаться! возразила Елена Петровна.

— Все таки это не то... Сегодня пріѣдетъ гувернантка, какая-то особенная, ученая, Воображаю, какъ она примется за бѣднаго мальчугана! Выписали изъ Петербурга... Ужъ при ней родная мать сойдетъ на задній планъ.

Въ это время дѣти шумно подбѣжали къ окну.

— Мама! крикнула Катя.—Алеша себѣ носъ разбилъ!

И вслѣдъ затѣмъ дѣти ввели въ комнату раненаго молодого графа. Изъ носа у него струилась кровь. Онъ держался за него обѣими руками и кровь такъ и прыскала у него сквозь пальцы. Весь передъ бѣлой пикейной рубашечки былъ измазанъ кровью. Докторъ улыбнулся и, доставъ изъ шкафчика кусочекъ желтой ваты, притянулъ

Алешу къ себѣ и сунулъ ему ее въ ноздрю.

— Ничего! Пройдетъ! сказалъ онъ. — Пойди, умойся и бѣгай снова!

Елена Петровна оставила свое тѣсто, умыла Алешу, надѣла на него ситцевую рубашку Кости, которая застегивалась сбоку шеи. Дѣти снова побѣжали, какъ ни въ чемъ не бывало, въ паркъ. Докторша посмотрѣла Алешѣ вслѣдъ, вздохнула и покачала головой.

— Бѣдный сироточка! сказала она и опять принялась за тѣсто.

Докторъ отправился въ лечебницу.

Нѣсколько времени спустя, слышался стукъ лошадиныхъ копытъ и къ крыльду барскаго дома подѣхалъ щегольскій англійскій шарабанъ. Изъ него вышли дама и маленькая дѣвочка. Это были Софи и ея гувернантка, пріѣхавшія изъ сосѣдней усадьбы познакомиться съ Алѣшей. Вслѣдъ затѣмъ къ Еленѣ Петровнѣ опять прибѣжала нарядная горничная и, шурша юбками, еще на ходу спросила:

— Барыня, молодой графъ не у васъ? Къ нимъ пріѣхали изъ Зарѣчнаго молодая графиня!

— Они бѣгаютъ гдѣ-то въ паркѣ всѣ! отвѣтила Елена Петровна и стала сажать въ духовой шкафъ булку.

Горничная отправилась разыскивать Алешу. Съ своей стороны

и Софи, желая поскорѣ увидѣть своего двоюроднаго брата, побѣжала съ гувернанткой къ рѣкѣ. Гувернантка очень плохо понимала по русски, была добродушнѣйшимъ существомъ и всюду послушно слѣдовала за свой питомцей.

— Ахъ, Софи, не надо такъ бѣгай! стонала она.—Я не успѣвалъ за вами и боюсь что упалъ!

Но дѣвочка не слушалась ея и бѣжала туда, откуда слышались веселые голоса дѣтей. Всю свою жизнь она прожила одиноко, ей запрещалось вести компанію съ докторскими дѣтьми и теперь, узнавъ, что ними и Алѣша, эта самая главная личность во всей усадьбѣ и единственный наслѣдникъ и графъ, она обрадовалась, осмѣлѣла и побѣжала.

„Значить, можно!..“ подумала она. — „Если онъ съ ними, то можно и мнѣ!“

Она выбѣжала къ дѣтямъ, познакомилась съ ними, какъ-то не ловко и церемонно поздоровалась съ Алешей,—но скоро все обошлось, и для нея начались счастливые часы. Катя схватила ее за одну руку, Кира за другую и всей гурьбой ребята побѣжали на поляну, на которой, на англійскій ладъ, была подстрижена трава. Здѣсь они стали играть въ палочку-воровочку, въ прятки, но Софи еще ни разу въ жизни не бѣгала, какъ нужно бѣгать, ноги подъ ней под-

гибались, она тяжело дышала и всякій разъ оставалась позади всѣхъ. Это ее раздражало, но высказывать свое неудовольствіе въ первый-же день было неловко, и она кое какъ съ этимъ примирилась.

— Софи, да ты бѣгай вотъ какъ! обращался къ ней Костя и старался показать ей, какъ онъ умѣетъ бѣгать.

Она бѣжала вслѣдъ за нимъ, но скоро отставала и, держась рукой за сердце, начинала тяжело дышать.

— Оставь ее, Костя, говорила при этомъ брату Катя.—Развѣ ты не видишь, что она слабенькая и не можетъ?..

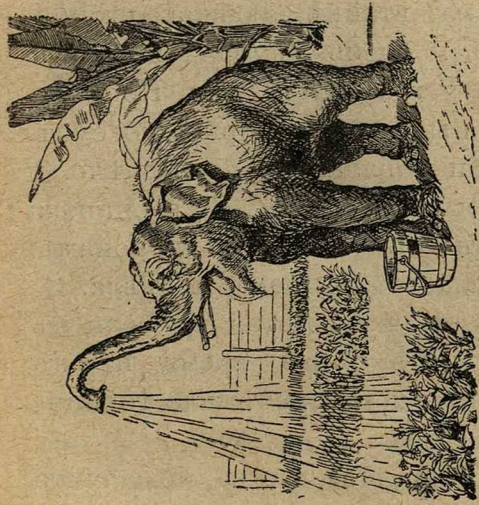
И подойдя къ Софи, она обнимала ее за талию и горячо цѣловала ее въ щеку. А въ это время гувернантка сидѣла подъ зонтикомъ поодаль и кудахтала, какъ курица:

— Ахъ, Софи! Ахъ, мейнъ Готъ! Не надо такъ скоро бѣгать! Но какой прелестный, веселый киндеръ!

Дѣти доктора нравились и ей. Живя одна, въ большой усадьбѣ, подъ строгимъ надзоромъ матери—графини, Софи и понятія не имѣла о томъ, что такое стать потной отъ бѣга и возни. здѣсь-же лицо у нея стало вдругъ краснымъ, волосы разметались и прилипли ко лбу и ея гувернантка то и дѣло поднималась съ мѣста, подхо-

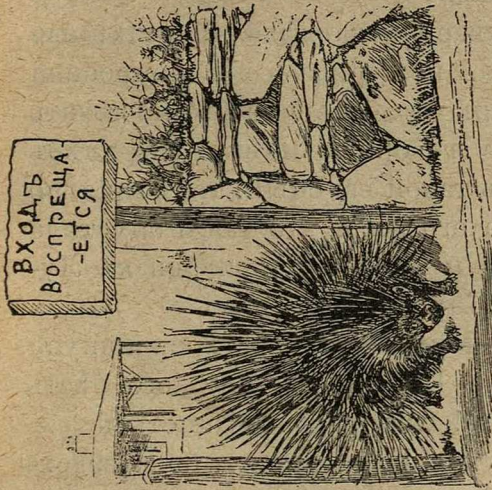
Раскрашивание змѣя.

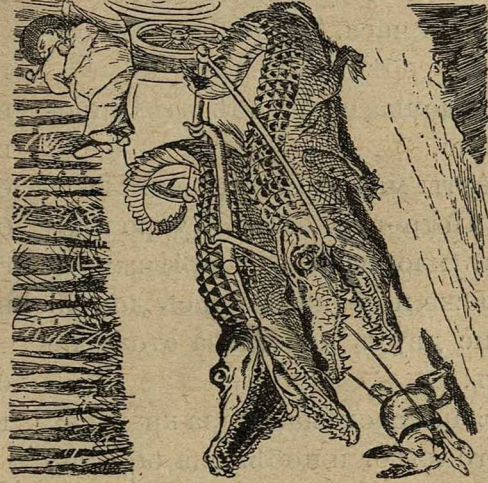
1. Слонь.

4. Бенгурс.

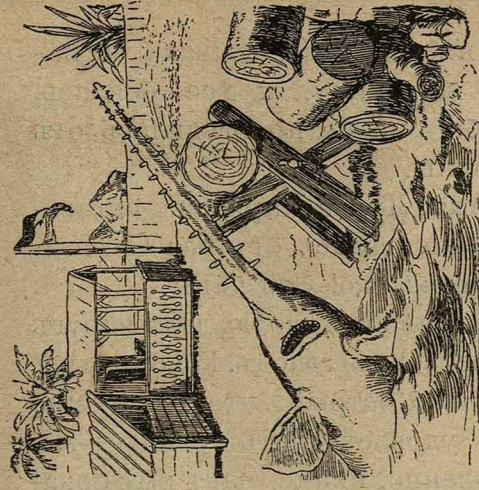
5. Крокодилы.

Картинка-шутка. Каждое животное исполняет свой долг.

3. Жирафъ.

6. Пига-раба

дила къ ней и засовывала ей палецъ за спину, и все боялась, какъ-бы она не простудилась отъ испарины.

— Ахъ, Луиза Карловна, оставьте! отмахивалась отъ нея Софи. — Мнѣ не жарко! Это такъ!..

Наигравшись вволю, дѣти вдругъ почувствовали голодь. Голодь былъ настолько острый, что его нужно было удовлетворить сейчасъ-же, немедленно, иначе, какъ имъ показалось, они не будутъ въ состояніи прожить и часа. Тогда Катя побѣжала къ себѣ домой.

— Мамочка, скоро обѣдать? спросила она.

— А ты мнѣ помогла? отвѣтила Елена Петровна. — Цѣлое утро прошло въ хлопотахъ съ пріѣзжими, а ты даже и не навѣдалась домой! Раньше двухъ часовъ за столъ не сядемъ!

Катя покраснѣла, взяла краюшку черного хлѣба и побѣжала обратно къ дѣтямъ. Здѣсь она раздала его братьямъ и сестрамъ и дала большой кусокъ молодому графу, а Сонѣ она не посмѣла дать: побоялась ея гувернантки. Всѣ стали ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что бѣдной Софи стало завидно, и, густо покраснѣвъ, она попросила Катю дать кусочекъ и ей.

— Кушай на здоровье! отвѣтила ей Катя и протянула къ ней цѣлый ломоть.

Софи оглянулась на Луизу Карловну, убѣдилась, что гувернантка

задремала, — и принялась за черный хлѣбъ. Ахъ, съ какимъ аппетитомъ она его поѣла! Никогда еще въ жизни своей не ѣвшая черного хлѣба, она сперва съ недоувѣріемъ принялась за него, но съ перваго-же глотка онъ показался ей такимъ вкуснымъ, такимъ душистымъ, что она стала потомъ его ѣсть за обѣ щеки.

— А я сейчасъ черный хлѣбъ ѣла! съ гордостью сказала она Луизѣ Карловнѣ, когда та проснулась.

Гувернантка съдѣлала испуганные глаза, пожуривъ ее и попросила ее никогда больше этого не дѣлать и не говорить мамѣ. Но хлѣбъ былъ такой вкусный, такъ пріятно было его ѣсть, что Софи опустила глаза и потомъ бросилась къ Луизѣ Карловнѣ на шею.

— Милая, дорогая, воскликнула она. — Позвольте мнѣ его ѣсть всегда! Онъ такой душистый!

Луиза Карловна глубоко вздохнула и не отвѣтила ничего. Она и сама втайнѣ любила ржаной хлѣбъ и очень скучала по немъ, когда у графини Маріи Константиновны подавали борщъ или супъ.

Софи поняла, въ чемъ дѣло, и дала и ей кусочекъ. Гувернантка пугливо оглядѣлась по сторонамъ, закрылась зонтикомъ и съѣла.

Въ два часа дѣтей позвали къ обѣду. Въ то-же время и изъ графскаго дома прибѣжала горничная за Софи и Алешей.

— Ваши сіятельства, пожалуйста

кушать... сказала она.—Обѣдъ уже поданъ.

Алеша и Софи взялись за руки и съ сожалѣніемъ пошли обѣдать. Ахъ, съ какимъ-бы наслажденіемъ они побѣждали сейчасъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ докторскій флигелекъ, усѣлись-бы тамъ за столъ и всѣ вмѣстѣ стали смѣяться и ѣсть за обѣ щеки все, что сварила Елена Петровна и что послалъ ей Богъ!

Обѣдъ прошелъ скучно и церемонно. Какъ и утромъ, у стола служилъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ Григорій. Все блестяло серебромъ, хрусталемъ и дорогимъ фарфоромъ. Гувернантка, родившаяся въ простой, крестьянской, швейцарской семьѣ и случайно попавшая въ графскую обстановку, старалась показать себя очень воспитанной и привыкшей къ барскому этикету. Дѣти плохо ѣли и катали подъ столомъ шарики изъ хлѣба. Графъ обѣдалъ у себя въ кабинетѣ одинъ. А въ это время въ домикѣ у доктора всѣ дѣти весело смѣялись, ѣли съ аппетитомъ и вырывали другъ у друга куски. Елена Петровна кормила ихъ и говорила:

— Пожалуйста, дѣти, поменьше ѣшьте! Вѣдь силъ человѣческихъ нѣтъ васъ накормить! Бѣдному вашему папѣ скоро придется запречь себя, какъ лошадь!

Но они не слушали и не только сѣдали все до дна, но еще розовыми, широкими языками об-

лизывали тарелки такъ, что ихъ не нужно было-бы даже и мыть. Это приводило Елену Петровну въ ужасъ.

Послѣ обѣда Алешу и Софи позвали къ дѣду. Они вошли къ нему съ совершенно противоположными чувствами: Софи боялась своего дѣдушку, и всегда входила къ нему робко и опутивъ глаза, а Алеша былъ полонъ дѣтскаго любопытства и съ интересомъ подошелъ къ старику.

— Здравствуйте, дѣти... сказалъ старый графъ.—Подойдите ко мнѣ поближе!

Дѣти придвинулись.

Теперь въ кабинетѣ было уже свѣтло и не пахло лекарствами, какъ утромъ. Занавѣски были отдернуты и ласковое солнце играло на дорогихъ бронзовыхъ предметахъ, статуяхъ и золотыхъ рамахъ картинъ. Дѣдушка по прежнему сидѣлъ въ креслѣ съ обернутыми одѣяломъ ногами, но теперь онъ былъ чисто выбритъ и, повидимому, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ утромъ. Онъ обнялъ дѣвочку и мальчика за плечи, прижалъ ихъ къ своимъ бокамъ и cadaго изъ нихъ поцѣловалъ въ голову.

— Вы—единственные представители моего рода... сказалъ онъ со вздохомъ.—И я благословляю судьбу, что она мнѣ послала васъ... Теперь я могу умереть спокойно.

Онъ опять поцѣловалъ дѣтей и Алеша вдругъ увидѣлъ, что по

щекамъ у него скатились двѣ слезы.

— Дѣдушка, милый, не плачь!.. сказалъ онъ и, какъ и всегда поступалъ въ такихъ случаяхъ со своей мамой, обнялъ старика за шею.— Не надо!

Въ голосѣ у мальчика зазвучала такая нѣжная нота, что старикъ въ удивленіи на него посмотрѣлъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкшій только къ почтительности, но не къ искренности, всегда недовѣрчиво относившійся къ людямъ и видѣвшій въ нихъ только желаніе обогатиться на его счетъ, графъ пришелъ въ умиленіе. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ онъ живетъ вдовцомъ, вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ онъ одиноко проводитъ свои дни и за все это время ни одинъ человекъ, даже ни одинъ его родственникъ, ни разу не обнялъ его за шею такъ — какъ это сдѣлалъ сейчасъ Алеша, и ни разу не приласкалъ! Теплое, уже давно позабытое чувство нѣжности вдругъ зашевелилось въ душѣ у старика и онъ улыбнулся; его сухощавое лицо вдругъ прояснилось и съ дрожью въ голосѣ онъ спросилъ:—

— Кто это научилъ тебя быть такимъ ласковымъ?

— Мама, искренно отвѣтилъ Алеша.

Графъ чуть-чуть нахмурился.

— Ну, расскажи мнѣ чтонибудь о себѣ, продолжалъ онъ.— Какъ вы жили, были-ли у тебя товарищи, съ кѣмъ ты игралъ?

Съ дѣтскими безыскусственностью и простотой Алеша сталаъ рассказывать старому графу, какъ онъ, его мама и няня-Наташа жили въ Крыму, что они обыкновенно ѣли, что тамъ дѣлали, какъ его мама зарабатывала деньги то перепиской на машинѣ, то преподаваніемъ языковъ, и какъ онъ самъ бѣгалъ въ лавку къ Айвазу и велъ дружбу съ чистильщикомъ Ванькой.

— А самъ-то ты знаешь языки? спросилъ графъ.

— Да, я говорю по-французски и по-немецки, отвѣтилъ онъ.— Меня научила мама. Она хотѣла меня учить и по англійски, но еще не успѣла.

Графъ остался очень доволенъ.

— И ты говоришь, что всему этому научила тебя твоя мать? спросилъ онъ.

— Да... Кромѣ того—читать, писать, четыре правила ариѳметики и ветхій завѣтъ...

— Это хорошо... А кто это такой чистильщикъ-Ванька?

— Это мой другъ.. Когда мы уѣзжали изъ Крыма, то на послѣднія свои деньги онъ купилъ вотъ этотъ красный платокъ и подарилъ мнѣ его на память. Онъ сказалъ, чтобы я въ него сморкался.

И Алеша вытащилъ изъ кармана платокъ и развернулъ его передъ дѣдомъ. Близость дѣтей и искренній, простой тонъ Алеши опять умилили графа и по щекамъ у него пробѣжали еще двѣ слезы. Старик у

показалось, что вблизи этихъ дѣтей онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и самъ и что колесо жизни вдругъ повернулось для него назадъ и опять возвратилось то далекое время, когда еще были мальчиками его покойные сыновья и когда по всему дому раздавались ихъ веселые шаги и голоса. Что-то отдаленное, точно забытый крикъ журавлей,—шевельнулось у него въ душѣ, точно запахомъ сирени вдругъ пахнуло ему въ лицо, и ему показалось, что вмѣстѣ съ этимъ Алешей, котораго онъ до сихъ поръ не зналъ, вдругъ помолодѣлъ и онъ самъ,—и слезы уже по настоящему заструились у него изъ глазъ.

— Дѣдушка, не плачь!.. Не надо! испугался Алеша и сталъ вытирать ему щеки своимъ краснымъ платкомъ.

Одинокій, больной старикъ показался ему жалкимъ и несчастнымъ. Для мальчика не было извѣстно ничего; онъ даже и не предполагалъ, что этотъ гордый старикъ когда-то навѣки разошелся съ его отцомъ и не любилъ его мать,—и это упрощало ихъ отношенія. Алеша вдругъ вскочилъ къ нему на колѣни и крѣпко обнялъ его за шею.

— Ой! Ахъ! вдругъ застоналъ старикъ и, тихонько спустивъ Алешу на полъ, сталъ растирать свои больныя ноги.—Ой, батюшки!.. Ой-ой! Софи, позови сюда Григорія! Ахъ, зачѣмъ ты влѣзалъ ко мнѣ на колѣни!..

Вошелъ Григорій и занялся своимъ господиномъ. Съ чувствомъ глубокой, непоправимой виноватости Алеша вышелъ изъ кабинета и пошелъ по длинному корридору.

— Бѣдный дѣдушка!.. шепталъ онъ.—Какой онъ больной! И какъ это я не догадался, что у него болятъ ноги!..

Вечеромъ приѣзжала Ольга Ивановна. Свиданіе матери съ сыномъ происходило въ его комнатѣ. Радости мальчика не было границъ. И ему, и ей было дико и странно, что въ первый разъ въ жизни они должны были ночевать врозь, но для счастья сына она рѣшила жертвовать собою до конца и напрягала всѣ свои усилія, чтобы не разрыдаться и не смутить этимъ и его. Она спрашивала его о томъ, какъ его принялъ дѣдушка, спрашивалъ-ли старый графъ о ней, и изъ первыхъ-же его словъ убѣдилась, что мальчику старикъ понравился и что онъ самъ понравился старику,—и это ее успокоило.

— Ну, прощай, сыночекъ... сказала она наконецъ и, приготовивъ для мальчика постельку сама, стала съ нимъ прощаться.

Онъ обнялъ ее, прижался къ ней, сталъ ее ласкать и просить, чтобы она взяла его съ собой, но она осталась непреклонна и, глотая слезы и боясь, какъ-бы не разрыдаться, поспѣшила расстаться съ нимъ и выйти изъ его комнаты.

Дѣвушка проводила ее до крыльца, лакей Гаврила почтительно усадилъ ее въ экипажъ и она уѣхала къ себѣ на хуторъ. Алеша остался одинъ. И съ отъѣздомъ мамы ему показалось все такимъ грустнымъ и угрюмымъ, такимъ непривѣтливымъ въ домѣ стараго графа, что онъ не смогъ сидѣть у себя въ комнатѣ или ложиться спать, и вышелъ въ паркъ.

Было уже около девяти часовъ, на западѣ еще не совсѣмъ потухла заря и во всѣхъ концахъ парка, перебивая одинъ другого, громко пѣли соловьи. Летали жуки и въ камышахъ у рѣки надрывались лягушки. Алеша подошелъ къ оградѣ парка, приникъ лбомъ къ рѣшеткѣ и сталъ смотрѣть сквозь ея спицы на дорогу. И вдругъ около него раздался голосъ:

— Миленькій ты мой! Болѣзненный ты мой! И уродитъ-же Господь такое дитѣ! Пришла хоть однимъ глазочкомъ на тебя поглядѣть...

Алеша взглянулъ и вдругъ уви-

дѣлъ свою няню-Наташу. Она шла двѣ версты, чтобы только взглянуть на него хоть издали, хоть одинъ только разокъ.

Онъ взвизгнулъ, слезы брызнули у него изъ глазъ и, просунувъ руки сквозь рѣшетку онъ сталъ манить ее къ себѣ.

— Няня! Няня! кричалъ онъ. — Я здѣсь! Я здѣсь!

Она подошла къ нему близко и тоже стала плакать. Плакать и причитать.

И вдругъ, словно изъ земли, около нихъ выросла горничная.

— Ваше сіятельство, пожалуйста кушать молоко и почивать!.. сказала она и, взявъ его за руку, повела его за собой.

Часъ спустя, когда Алеша находился уже въ постели, послышались въ корридорѣ шаги и голоса. Кто-то приѣхалъ со станціи желѣзной дороги.

Это приѣхала изъ Петербурга гувернантка.

Cyclamen.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Два слова поставлены рядомъ и оба вмѣстѣ, состоятъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 9. 5. 1. 8. означаютъ цвѣтокъ, 1. 4. 5. 6.—то, что бываетъ лѣтомъ, 1. 2. 9. 4. 5—то, чѣмъ кормятъ куръ, 3. 5. 9. 5. 1.

10—то, что бываетъ зимой, 7. 9. 8. 3. 10—то, что остается послѣ зажившей раны.

Найти всѣ эти слова и отгадать по нимъ два задуманные слова, которыя означаютъ часть вселенной.

II.

Шуточные вопросы: 1. Почему нѣкоторыя дамы любятъ вышивать?
2. Почему нѣкоторые мужчины носятъ бакенбарды?

III.

Названія какихъ цвѣтовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ.

1) Вмѣсто рыбы мальчикъ выудилъ изъ рѣки старый башмакъ.

2) Чай и рисъ—вотъ любимая ѣда китайцевъ.

3) Недалеко отъ укрѣпленій былъ пойманъ непріятельскій шпионъ.

4) Какъ разъ мимо завода проходитъ шоссе.

5) Доколе, Андрей, ты будешь такъ плохо себя вести?

6) Ужъ вечерѣетъ; скоро зайдетъ солнце совсѣмъ.

7) Отъ ударовъ сильнаго грома шкафъ такъ дрожалъ, что въ немъ звенѣла посуда.

8) Не знаю, чѣмъ вколотить гвозди: камня нѣтъ, а молотокъ куда-то затерялся.

IV.

Задуманы три слова, означающія:

1) Названіе большого государства въ Азіи.

2) То, чѣмъ копаютъ канавы и ямы.

3) Ягодный кустарникъ съ кислыми ягодами.

Взять отъ перваго изъ этихъ словъ первый слогъ, отъ втораго второй и отъ третьяго третій и составить изъ этихъ трехъ слоговъ новое слово, которое означаетъ названіе дерева, растущаго въ теплыхъ краяхъ.

V.

Шарады: 1) Первое то, что падаетъ съ неба, второе то, что есть у мужчинъ и у нѣкоторыхъ звѣрей. Все вмѣстѣ—показатель холода и тепла.

2) Первое—домашнее рабочее животное; второе—насъкомья, похожія на пчелъ; все вмѣстѣ—то, что человѣкъ имѣетъ на головѣ.

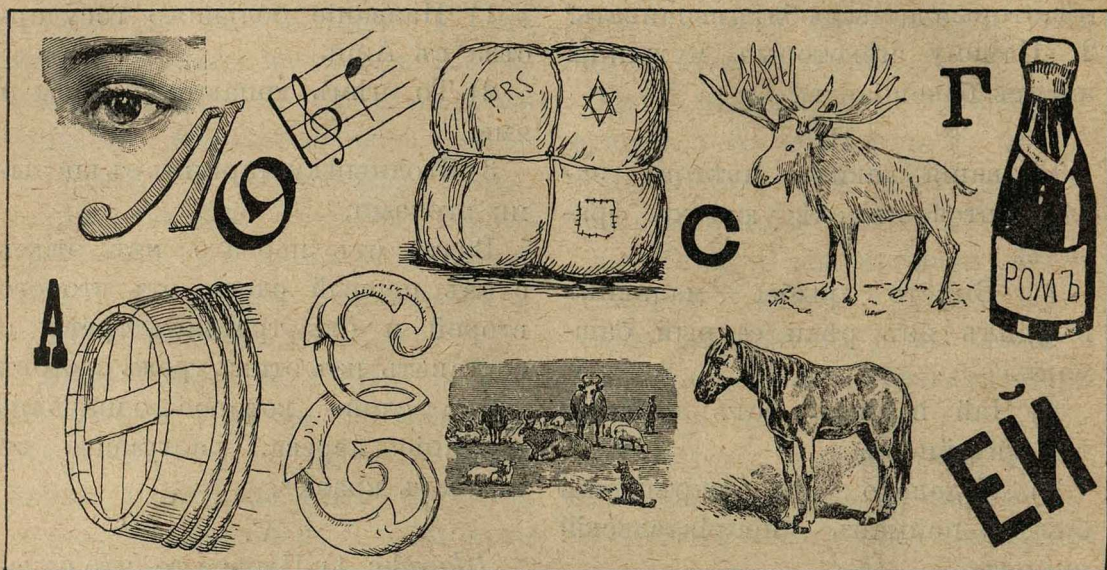
3) Первое—число съ нулями, второе—то, что есть у нѣсколькихъ людей; все вмѣсто—главный городъ въ государствѣ. Что это?

Рѣшеніе ребуса № 15, помѣщеннаго въ № 15 «Золотого Дѣтства». На+стуча+ла+г+роза+араб+очи+е+не+усъ+п+ели+п+оса+дита+ягоды=Наступала гроза, а рабочіе не успѣли посадить ягоды.

Впрямъ рѣшенія прислали: Валя Иванюкъ, Ольга Цвѣткова, Боря Шейнинъ, Валя и Вася Абрамовы, Тамара Смоленецъ, Ляля и Лиза Мартюшкины Люля, Таня, Седрикъ и Катя Андреевскіе, Шура Сарафанникова, Вѣра и Жюня Годубевы, Станиславъ Маркевичъ, Вѣра и Миша Бондаренко, Тоня и Коля Васкаковы, Надежда Архангельская, Павликъ и Коля Степановы Валя Петрова, Леонардъ и Эдгардъ фонъ-Рих-

теръ, Тута Попова, Вѣра и Марія Устиновы, Маруся Русиловичъ, Надя Астафьева, Михайль Лапинскій, Борисъ Корженевскій, Стасъ, Феня, Лева, Валя, Дима, Сережа Корженевскій, Саша и Катя Савицкіе, Мура Нардова, Люба Михѣва, Тоня Сальникова, Лара Горбенко, Жоржикъ Кузнецовъ, Нина Кашубская, Миша, Битя и Толя Вейсбергъ, Сергій Павильоновъ, Володя и Боря Чикильдины, Вѣрочка и Боря Наумовы-Анна Коганъ, Катя Головачева, Зина Протопопова, Боря Мисевичъ, Исаакъ и Веніаминъ Голомштоки, Слава и Марфа Барышпольскіе, Шура Орловъ и Сережа Виноградскій, Михайль, Валентина и Борисъ Лапинскіе, Метиславъ Пряхинъ, Мара Оранъ, Марина и Лида

Ребусъ № 17.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны)

Артемьевы, Софочка и Ниночка Безиргановы, Наташа Бравина, П. Исикова, Миля Уткина Катюша Бѣляева, Шура Сухова, Лея и Нина изъ Кадуги, Вѣра и Ока Станкевичъ, Лена, Сюша и Нина Ивановы, Тая изъ Гагрь, Боря Животковъ, Дея и Муса Мѣцевичъ, Галя Попова, Шура Чистяковъ, Тая и Галя Мучканскія, Люба Кудактина, Мушталерова, Коля Пустоваловъ, Ленуша и Сергунчикъ Шклярскіе,

Маня Бегильдѣва, Люся Василенко, Ляля и Ира Поллавскіе, Лида Генельтъ, Люція Ленцъ, Валентинъ Ленцъ, Нина, Женя и Толя Эрманъ, Вѣра Дадькина, Петя Шестаковъ, Шурочка, Ниночка, Лидія и Серафимъ Протопоповы, Шура, Лида и Вѣра Молокъ, Шура Александрова, Шура Жежевитиновъ, Лея и Юра Шейнъ. В. Судакова, Зина Семисаженова, Лея и Миша Кокѣвы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

ВЕРХНЕ-УФАНСКИЙ РАЙОН
УФА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
1980

УФА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
УФА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
УФА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
УФА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УФАПИЧРЕД»
УФА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 ЛѢТЪ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.